

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГЕРОИ И СОВОКУПНЫЙ ПЕРСОНАЖ ТВ

Литература создает галерею образов, с которыми читатель так или иначе соотносит себя. Читательские типы многообразны, но если взять устоявшуюся в литературоведении типологию литературного героя любимой нами словесности XIX века, то она поразит скудостью. Читательницам предлагается тип «русской девушки-женщины» в пушкинской, тургеневской-толстовской версиях. Не следует обольщаться, что каждая из версий отмечена богатством неожиданных акцентов. На самом деле эти акценты диктуются собственно не столько оригинальностью женского психотипа, сколько авторской идеей, которая является базовой для раскрытия женского характера. Подобная ситуация затрудняет акт идентификации читательницы и героини: слишком велик труд уподобиться той или иной героине, для этого необходимо проникнуться писательскими взглядами на мироздание. Типология мужских образов привлекательна, но подражание им требует не меньшего мастерства, граничащего с ригоризмом. Сколько читателей пытались быть похожими на «лишнего человека» Печорина, а на поверку выходил всего лишь портрет Грушницкого. Слишком высока планка романтического социального злодея. На долю читателей-мужчин оставался весьма скупой диапазон типов, предлагаемых культурой даже не для подражания, а для рефлексии (тип маленького человека). Главная проблема русской словесности в аспекте создания доброкачественного мужского образа заключалась в отсутствии четко артикулированной социально-философской позиции, которую можно было бы сопроводить выразительной иллюстрацией. Не случайно Гоголю так и не удалось дописать историю Чичикова. И напротив, иная издержка отечественной словесности заключалась в жестком формулировании идеи, под которую подбиралась соответствующая иллюстрация. Биографии толстовских героев доказывают торжество морализаторского и пресекают любую попытку читателя своей

жизнью доказать возможность интеграции в реальность образцового художественного образа. В этом смысле совокупный персонаж ТВ равен системе образов книги, с той лишь разницей, что на ТВ каждый без исключения, даже самый ничтожный, персонаж обрел значимость, заявил свои права на существование. Безусловно, нет возможности рассмотреть всю галерею предлагаемых ТВ персонажей, да в этом нет и необходимости: при всем богатстве палитры выделяются несколько ведущих тенденций. Чрезвычайно важен эффект привыкания телеаудитории к ТВ, который осуществляется за счет повторяемости. Участникам передач как-то неловко показаться на людях без знания некоего секрета, воплощение которого приведет к всеобщему благоденствию, и они появляются, вооруженные красивыми идеями. Одному зрителю нужна тотальная эпическая идея, другой предпочитает лирические рельсы путей выхода из кризиса. Всем, похоже, не по пути, все кубарем несутся вперед поверх кутерьмы онтологических идей, минуя философскую отстраненность, но все несутся в одном направлении – к финалу передачи, за которой последует новая программа со своими персонажами. Популярны передачи о советском прошлом, активно эксплуатирующие ностальгию зрительниц старшего поколения по юности, некогда обещавшей так много.